

БИОГРАФИЯ ПОКОЛЕНИЯ

Сергей

Орлов

Весной 1975 года наша страна, наш народ торжественно отметили тридцатилетие всемирно-исторической победы над гитлеровским фашизмом. В пору зрелости вошло то поколение людей, чья молодость совпала с войной и на чью долю выпала ответственность и честь быть защитником отечества. Наверное, многим бывшим фронтовикам, ушедшим на войну со студенческой скамьи или школьной парты, совсем еще, по сути дела, мальчиками, понятно чувство, которое так пронзительно выразил Сергей Орлов:

...За пятьдесят товарищам моим.
Им некуда от времени деваться,
Лысеющим, стареющим, седым.
А мне все кажется,
Что им по двадцать.
Гляжу на них и вижу те года,
Где шли они
Во всей красе и силе,
Когда была Россия молода
И судьбами ее
Они вершили.

О поэтическом поколении, крещенном в кровавой купели второй мировой войны, о творчестве его типичного представителя — Сергея Орлова — эта глава.

«Поэты имеют разную молодость, — писал Николай Тихонов. — Одни, с юности ощутив сладостное волнение заложенного в них поэтического ощущения мира, через стихи предшествующих поэтов, через книги классиков, в спокойной обстановке начинают набрасывать первые впечатления бытия, волнуясь и спеша погрузиться в мир образов, вызванных жадным чтением любимых «властителей дум», первой влюбленностью...

Молодые люди учатся, несут свои первые произведения в редакции, терпят первые неудачи, проходят испытания, в которых нет ничего трагического.

И есть другая молодость, когда с первых юношеских лет молодой человек, только что начавший задумываться над окружающим и написавший первые обычные стихи, порывом бури, потрясшей всю страну, оказывается брошен в смертельный спор с беспощадным врагом, грозящим уничтожить все, что ему дорого: родину, все высокие достижения Великой Октябрьской революции и его самого, вместе со всей его семьей, со всем его прошлым и будущим.

Поэт такого поколения несет совершенно другие обязанности, видит такое, чего не видели никогда воспитанные в мирных условиях юноши, он становится солдатом, воином-мстителем, на долгие годы берет в руки оружие и живет небывалой, удивительной жизнью. Зато его творчество наполнено особой силой правды, особой любовью к жизни».

Н. Тихонов предваряет этими словами статью о Михаиле Дудине, не менее чем Орлов типичном представителе фронтовой плеяды. Легко догадаться, что автор статьи относит Дудина к поэтам «другой молодости», несущим «другие обязанности».

Классификация, предложенная Н. Тихоновым, конечно, как и всякая классификация такого рода, условна, но в ней отражены некоторые существенные черты, отличающие одно поколение поэтов от другого.

Разумеется, о войне писали не только поэты военного поколения, но и те, кто начинал гораздо раньше или даже гораздо позже. Одни — старшие — были на войне как писатели, в качестве военных корреспондентов центральных газет или работали непосредственно во фронтовой печати. Другие — младшие — хвятили военного лиха детьми или подростками и сохранили об этом память на всю жизнь.

Тем не менее война провела отчетливую грань в жизни и творческой биографии писателей, разделив их на предвоенное, военное и послевоенное поколения. Немногим старше, например, К. Симонов М. Луконина или С. Наровчатова, но это уже разные поколения. К. Симонов как поэт приобрел широкую известность и признание как раз перед войной и участвовал в войне в качестве журналиста, специального корреспондента центральных газет.

Луконин и Наровчатов тоже начали печататься перед войной, но признание к ним пришло после. И на войну они пошли как солдаты, вместе попали в окружение и выходили из него и лишь потом, ближе к концу ее, перешли на службу в армейскую печать.

К военному же поколению относятся более молодые К. Ваншенкин и Е. Винокуров, призванные в армию в 1943 году и попавшие на фронт уже к концу войны. Их творческие биографии фактически начались уже после войны, их первые книги вышли через шесть лет после ее окончания.

Мы уже привыкли к объединяющему термину «фронтовое поколение», и он не вызывает возражений в критике. Однако само это поколение, будучи связанным и общей судьбой, и общими испытаниями, выпавшими на его долю, наконец, общими истоками творческой биографии, тоже не совсем однородно по возрасту и поэтическому стажу. Такие, например, поэты, как М. Дудин, М. Луконин, С. Наровчатов, М. Львов, В. Жуков, А. Недогонов, Б. Слуцкий (к ним надо добавить павших на полях сражений А. Лебедева, Г. Суворова, Н. Майорова, М. Кульчицкого, Н. Отраду, П. Когана, Е. Ширман и других), начинали свой путь в литературе еще до Великой Отечественной войны. И начало некоторых из них было многообещающим, оно говорило об идейной и политической зрелости молодых поэтов, об их психологической и нравственной готовности к тем испытаниям, которые назревали в чреде грозных событий конца 30-х и начала 40-х годов.

Другая группа поэтов фронтового поколения — это те, кто первые свои строки записывал на клочках бумаги в перерывах между боями, носил их в полевой сумке, отсылал в дивизионную многотиражку (некоторые из них делали робкие пробы и перед войной)... Среди них С. Орлов, А. Межиров, В. Субботин, М. Максимов, С. Гудзенко, Ю. Друнина, Н. Старшинов, Ф. Сухов, Ю. Левитанский, Л. Решетников, М. Соболев.

Почти все названные поэты начинали войну не разъездными корреспондентами и сотрудниками фронтовых, армейских и дивизионных газет, а солдатами, командирами взводов, танков, батарей, разведчиками, саперами, артиллеристами, десантниками, сражались в тылу врага. Они знают войну не по сводкам Совинформбюро, — они прошли испытание кровью и смертью.

Понятно, что возрастной принцип — лишь условный знак некоторой общности или различия поэтов фронтовой плеяды, но он все же представляется существенным в том смысле, что обращает внимание на истоки формирования творческой личности. Само же формирование, путь к зрелости, естественно, глубоко индивидуальны. Тут можно было бы говорить о полном несходстве, скажем, Б. Слуцкого и А. Межирова, С. Орлова и Ю. Левитанского, М. Луконина и Л. Решетникова и т. д.

Стоит, например, сопоставить подчеркнуто тенденциозные, насыщенные грубоватыми прозаизмами стихи Слуцкого и тонкие, ажурные строки Межирова с его самоуглублением и нравственным

самоанализом, итожащим жизненный и творческий путь, чтобы убедиться, как далеко, в разные эстетические измерения, развели их послевоенные дороги.

Сопоставления можно продолжить. Для С. Орлова до последних стихов в солдатском опыте — нравственная опора лирического характера (это, конечно, не значит, что он не писал стихов на мирную тематику). Ю. Левитанский же почти отрешился от опыта войны, его увлекла «кинематографическая» лоскутность жизни, и через нее поэт хочет подойти к целостному ее восприятию.

Еще один вариант из многих. М. Луконин, один из ярких представителей «старшего» поколения фронтовиков, как бы продолжил себя, свою молодость в «Обугленной границе», поэме 60-х годов, отразившей войну в юго-восточной Азии. Л. Решетников, жизнь которого многие годы была связана с армией, может быть, лучшие свои стихи написал о мирной жизни села, о родине, о деревенском детстве.

И еще об одной возрастной группе поэтов, которые по исходным рубежам тоже могут быть причислены к фронтовому поколению. В первую очередь это К. Ваншенкин и Е. Винокуров, вступившие в войну где-то после ее середины, но уже имеющие опыт сражений — один в десантных войсках, другой — в артиллерии. Это и А. Смольников. И еще более молодые — О. Шестинский, Вяч. Кузнецов, С. Давыдов, Ю. Воронов, которые подростками вынесли на себе всю тяжесть ленинградской блокады и лучшие свои стихи написали именно об этом — о войне и о героическом Ленинграде. Это и Вл. Сергеев, бывший на войне подростком, сыном полка.

Термин «фронтовое поколение», таким образом, достаточно широк и может показаться неточным. Тем не менее он вошел в употребление и дает в общем верное возрастное и гносеологическое определение целому поэтическому поколению. А если мы проследим и дальнейший путь этих поэтов на протяжении трех десятилетий, то увидим, что в их ощущении послевоенной жизни, в их отношении к миру, в их исканиях тоже немало общего.

Было время, когда поэты сами (но крайней мере некоторые из них) прощались с темой минувшей войны и вновь возвращались к ее опыту, ибо он неизбежно и во многих случаях оказывается важным для современности. Наконец, было время мучительных поисков новых тем, новых возможностей живого и активного участия в послевоенном социалистическом строительстве, своего места в бурном общественном развитии 50—60-х годов, когда поэзия вышла на эстраду, на газетные полосы как сила, в какой-то мере формирующая сознание широких читательских масс.

У каждого из названных или не названных здесь поэтов военного поколения были свои трудности и успехи, но почти никто из них не обошел этих главных проблем, и разрешение их было во многом сходным. Различия же определялись несходством характеров, послевоенных судеб, дарований.

Проследившая в этой главе творческий путь Сергея Орлова, нам придется не однажды отвлекаться, выявляя существенные черты сходства или, наоборот, несходства его с другими поэтами военного поколения, дать несколько попутных характеристик.

Орлов, кстати говоря, пробовал свои силы в поэзии еще до войны, но вряд ли он и сам придавал тем опытам серьезное значение. Пробы носили ученический характер. Армейская служба и начало войны изменили тематику и тональность стихов молодого поэта, но они по-прежнему оставались или описательными, эскизными, или привязанными прямыми реминисценциями, мелодикой, образным строем к чему-то уже знакомому.

Молодому, совсем еще творчески не определившемуся поэту трудно сразу обрести и свой голос, и свой почерк. В стихах его мы находим мелькавшие в то время в периодике сюжеты, расхожие, характерные для поэзии 30-х годов интонации. Надо полагать, что все это было до первой встречи лицом к лицу с противником, до первого боя. Новый этап в поэтическом творчестве Сергея Орлова обозначен точной датой в названии стихотворения — «Это было 19 марта 1943 года». Орлову открылся грозный лик войны — и понадобились другие слова, другие ритмы. Какие? Пока самые обыкновенные, простые, как та страшная правда, что предстала взгляду танкиста в виде выжженной земли после боя, земли, на которой, возможно, и колос не прорастет. Вот несколько строк из этого стихотворения:

Сигнал атаки прозвучал
Открытым текстом в шлемофонах,
И лес разверзся, зарычал
И двинул вдалеку слонов по склонам.

Белы, приземисты и злы,
Они полезли на высоты,
Ломая тяжкие стволы,
И вслед за ними шла пехота.

«Танки — «слоны», конечно, не лучшая метафора, но в данном случае важнее другое — суровый реализм картины, необычный для поэта колорит ее. Вот так же сурово, предметно в стихотворении «Карбусель» сказано о похоронах товарищей:

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды
зажглись...

Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

И концовка стихотворения, посвященного памяти товарищей, погибших под Карбуселью, звучит как сводка о боевых действиях, как боевое донесение — скупое и лаконичное: «Триста метров они не дошли до нее... Завтра мы возьмем Карбусель».

Наконец, обстановка, весь солдатский быт после участия в бою представляется и чувствуется поэту иным, чем прежде. Тиши-

на наполнена тревожным предощущением боя, грозы, она кажется обманчивой.

Так состоялась встреча Сергея Орлова с войною, она пробудила в нем поэта. Поэта, сделавшего пока лишь первые шаги на пути самоутверждения. Ему это было сделать гораздо труднее, чем, скажем, Луконину или Наровчатову, имевшим уже и хорошую филологическую школу и ощутившим вкус самостоятельных поисков. Да и сам опыт войны отнюдь не сразу давался «в руки», то есть переплавлялся в поэзию.

В поэзии военных лет, особенно в начальном ее периоде, отмечается бурное оживление патриотической публицистики. Лирико-публицистические стихи, призывные и страстные, писали почти все поэты, начиная от маститой Анны Ахматовой до молодых, только еще начинавших творческий путь в литературе и в жизни. Наверное, в этот период публицистическая лирика была самым доступным и естественным жанром для первых откликов, для первого непосредственного выражения чувств.

По-видимому, это закономерно для критических ситуаций, когда на полях сражений решается судьба отечества, судьбы народов. А. Бестужев, оглядываясь на прошлое, писал в 1823 году: «Наполеон обрушился на нас — и все страсти, все выгоды пришли в волнение; взоры всех обратились на поле битвы, где полсвета боролось с Россией и целый свет ждал своей участи. Тогда слова «отечество» и «слава» электризовали каждого. Каждый листок, где было что-нибудь отечественное, перелетал из рук в руки с восхищением. Похвальные песни, плохи или хороши они были, раздавались по улицам, и им рукоплескали в гостиных; одним словом, все тогда казалось прекрасным, потому что все было истинным».

Историко-литературная параллель напрашивается потому, что и та война — 1812 года — была Отечественной, и в той войне была поставлена на карту судьба России, судьбы других народов и государств, и при всем несхождении конкретных исторических ситуаций общим остается патриотический порыв всего общества, нашедший выражение в героико-патриотической лирике.

Не надо, конечно, идеализировать сейчас военную лирику, рассматривать ее в качестве некоего эталона. Писались в годы войны и писались после о ней стихи разного поэтического достоинства, в них была и риторика, и декларативность и многословие. В них, пожалуй, не было одного — спокойствия и равнодушия. В стихах о войне, написанных на войне, необманно звучит волнующая мелодия победного финала или предощущения финала. Даже написанных в начале войны. В этом их бесспорная, всепобеждающая эмоциональная сила.

Что значило для поэтов военной плеяды каждое стихотворение о войне, говорит хотя бы тот факт, что один из ее видных представителей, Владимир Жуков, получивший тяжелое ранение на зимней войне 1939—1940 годов и оказавшийся «белобилетником»,

то есть полностью освобожденным от солдатской службы, с 1941 по 1943 год вообще не писал стихов. Разгадка молчания в том, что он не попал в армию, на фронт. И лишь когда, несмотря на «белый билет», он добился отправки на фронт, командовал пулеметным взводом, принял участие в боях, — лишь тогда появились его новые стихи о «большой» войне, в отличие от войны «малой», участником которой он был. Для многих из этого поколения непосредственное участие в сражениях как бы давало моральное право писать о войне. По крайней мере именно так они обуславливали свои тематические пристрастия.

Может быть, именно поэтому и публицистика, и риторические строки, и декларации, лозунги в стихах тех лет несут в себе такую заразительную эмоциональность! Их искренность и личная, в сердце выношенная, убежденность не вызывают ни малейших сомнений. Стоит, например, вспомнить «Священную войну» В. Лебедева-Кумача, песню, которую запели осенью 1941 года.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война!

Текст ее почти целиком соответствует газетной публицистике тех лет. И тем не менее в соединении с музыкой она производила огромное эмоциональное впечатление, она вдохновляла и мобилизовывала солдат на фронте, весь народ на разгром врага. «Секрет» этого воздействия, с одной стороны, в полной внутренней убежденности и искренности автора, которая передается в произведении, а с другой — в эмоциональной готовности слушателей (читателей) воспринять такое произведение, их настроенность, ожидание.

Под бронею ли танка, в промозглом ли окопе или крошечной землянке при свете коптилки, в чистом ли поле под кустом ракиты или на госпитальной койке каждый солдат, еще когда фашистские полчища рвались к Москве, подошли к Волге и Сталинграду, думал о победе, верил в нее, мечтал о ней. Мечтал о том дне, когда сможет вернуться к отчему порогу, обнять свою исстрадавшуюся ожиданием мать, жену и подругу, заняться своим любимым делом, растить детей, сажать деревья. Его мечты заносились так далеко, что тогда это могло показаться невероятным, — ведь в стихах, написанных на фронте, мы можем встретить строки о покорении космоса, о полетах к далеким мирам. В том числе и в стихах Сергея Орлова.

Вера в будущее, в конечную нашу победу придавала силы и мужество солдатам на фронте и труженикам тыла. Тесно в танке, ука его смотровая щель, сквозь нее еле-еле пробивается дневной

свет — «Но в эту щель от Мги видны предместья Вены и Берлина» (С. Орлов). Без этой веры невозможно было победить сильного, коварного и прекрасно вооруженного врага. Эта вера находила и чисто лирическое, почти интимное выражение в поэзии.

Тополь встанет молодой,
Рожь взойдет над головой,
Журавли перо обронят,
Вдаль летя своей тропой.
Будут лить дожди косые,
Будут петь снега...

Будет жить твоя Россия
Всем назло врагам.
Вырастут на свете люди,
Что еще не родились,
Смерти никогда не будет —
Будет жизнь.

Пожалуй, это самое лирически-проникновенное стихотворение Орлова из написанных в годы войны, его адрес не указан, но он угадывается, и потому строки стихотворения принимают особую интимную окраску.

Публицистический жанр не снимался с вооружения на протяжении всех четырех лет военной страды, но, повторим, особое предпочтение ему отдавалось в первый ее период. Вспомним хотя бы известное стихотворение Анны Ахматовой «Мужество»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

Оно примечательно не только глубоким патриотическим смыслом, пониманием размеров опасности, которая нависла над родиной, пониманием того, что речь идет о судьбах народа, но и позицией Ахматовой, которая обычно была далека от всякой общественной жизни, не подавала голоса в публицистике. На этот раз все услышали со страниц «Правды» страстный голос патриота и гражданина, призывный голос в защиту отечества.

Публицистичкой были пронизаны и многие стихи А. Суркова, А. Твардовского, Н. Тихонова, О. Берггольц, К. Симонова. Ведь страстное симоновское заклинание «Если дорог тебе твой дом...» публицистично от первой и до последней строки, но это поэтическая публицистика высокой пробы, воздействие ее на умы и чувства людей огромно.

Отвлечемся немного от лирики военных лет, чтобы сказать кое-что о публицистическом жанре. В критике и у читателей иногда проскальзывает снобистское отношение к этому роду стихотворства. Это, мол, газетные стихи, они пишутся на потребу дня и умирают на следующий день после своего рождения.

Такая точка зрения недиалектична, неверна. Публицистические стихи писали многие самые выдающиеся поэты мира, в том числе и великие русские поэты Пушкин, Лермонтов, Некрасов. Нечего уже говорить о Маяковском. Ода «Вольность», «На смерть поэта», «Размышления у парадного подъезда» — что это такое? Высокая публицистика и лирика, ее золотой фонд.

А что такое гениальное вступление к поэме о пятилетке «Во весь голос»? Тоже в значительной мере публицистика. Но она в данном случае поднимает тему служения художника народу к широчайшим обобщениям и к высочайшим высотам гражданственности и партийности. Такая публицистика измеряется самыми строгими критериями художественности, ибо она достигает воздействия на читателя образным строем стиха, всей системой выразительности. Художественную публицистику — в стихах ли, в прозе ли — не надо путать с пустым бряцанием слов и казенным словоговорением. Ее действительно компрометируют громкие, но не согретые волнением сердца, не облеченные в образную плоть слова, иногда и даже чаще всего затрагивающие очень важные, дорогие всем нам и актуальные темы. Такие стихотворные перелицовки рядовых газетных статей, уместных на страницах периодики, но не имеющих ничего общего с поэзией, и не могут характеризовать лирико-публицистический жанр.

Кто может усомниться в истинности и эмоциональной силе таких стихов:

Если кровь за родину лилась,
Ты в народе не умрешь, джигит.
Кровь предателя струится в грязь,
Кровь отважного в сердцах горит.

Умирая, не умрет герой —
Мужество останется в веках.
Имя прославляй свое борьбой,
Чтоб оно не молкло на устах!

(Перевод с татарского А. Шприта)

Это стихотворение, у которого и название носит публицистический характер — «О героизме», написал мужественный солдат и поэт, узник Моабитской тюрьмы Муса Джалиль. Как в этом стихотворении, так и во многих других, принадлежащих перу разных поэтов, слово подкрепляется действием, поступком, жизнью и смертью. Да, многие поэты искренне, в полной убежденности писавшие о готовности отдать жизнь за родину, пали на полях сражений. Слово их не разошлось с делом, с поступком, с боевыми действиями на фронте.

Погибли в боях с немецко-фашистскими захватчиками Иосиф Уткин и Георгий Суворов, Алексей Лебедев и Вадим Стрельченко, Елена Ширман и Витаутас Монтвила, Борис Богатков и Мирза Геловани, Павел Коган и Николай Майоров, Михаил Кульчицкий и Николай Отрада. Всех не перечислишь. И самое показательное в их стихах, может быть, как раз то, что выражает идейно-правственную сущность этого поколения молодежи, его готовность защищать социалистическое отечество в час опасности. Даже судя по стихам (а, кроме них, есть немало документальных свидетельств), молодое поколение 30—40-х годов идейно, нравственно, политически и психологически было готово к войне, именно поэтому оно с честью вынесло на своих плечах главную тяжесть вражеского нашествия, главную тяжесть войны на фронте, в непосредственном столкновении с врагом.

Литературу всегда интересовала внутренняя жизнь человека на войне, те особенности нравственного, идейного, психологического плана, из которых складывается характер, которые определяют его поведение в кризисные моменты. В конце концов, именно характер, убеждения, понимание целей войны служат решающим фактором его поведения в бою.

Орлов редко обращается к батальной стороне войны. У него считанные стихотворения, в которых несколько строк рисуют картину боя. Картина эта набросана несколькими широкими мазками. Возможно, ее эскизность, кроме всего прочего, объясняется еще и тем, что Орлов был на войне танкистом и видел поле боя через узкую смотровую щель танка. Сектор обзора через нее довольно ограничен. Зато после боя он видит не только дгорающие «пантеры», но и символическую звезду, скатившуюся с неба прямо на фанерную пирамидку над свежей солдатской могилой.

Поэты-фронтовики, как М. Дудин, например, да и другие тоже, охотнее писали о солдатском отдыхе, быте, о часах и минутах покоя, когда можно сосредоточиться и обдумать происходящее, о доме и родных, о любимой, которые всегда были на уме, о солдатском братстве. Картина боя, панорама сражения, во-первых, требовала иной точки обзора для ее видения, а во-вторых, она не укладывалась в малые поэтические формы, которые только и были доступны поэтам-фронтовикам.

Поэзия уже тогда ориентировалась на внутренний мир солдата. В ходе изнурительной и кровопролитной войны с каждым ее днем все больше выявлялась огромная потребность в лирике интимного содержания. Ни пепел и пожарища, ни тяжкая горечь отступления, ни кровь и смерть не убили и не могли убить в миллионах солдат на фронте, преимущественно молодых людях, жажды любви, простой женской ласки и сострадания. Если не было любви — ее искали, выдумывали, если не было жены, любимой девушки на родине, в тылу — ее искали на фронте, ее адрес находили в тех драгоценных кисетах и рукавицах, которые присылали бойцам переднего края женщины и девушки всей страны. А кроме того, сол-

даты знакомили друг друга со своими близкими и знакомыми по той, довоенной жизни...

Так и завязывались бесчисленные заочные знакомства, обмен фотокарточками, в них находила выход естественная человеческая потребность тепла, живого участия, близости, любви, нравственной опоры в обстоятельствах столь невероятно жестоких и трагических. Этим объясняется почти фанатическая вера в оберегающую силу любви, сказавшаяся в лирике военных лет. Симоновское «Жди меня», переписанное и уложенное в сотни тысяч фронтовых треугольничков, звучало заклинанием, такая в нем была сила, что вправду верилось, будто верностью своей, любовью своей, «ожиданием своим» любимая оградит солдата от пули врага.

Интимиде в лирике военных лет сочеталось с героическим, вызывалось им, подымало чувство воина на небывалую высоту. Поэтому и пользовались такой огромной популярностью лирические песни М. Исаковского и А. Суркова, что любовь в них как святое и нетленное чувство стала одним из главных нравственных стимулов солдатского подвига на войне. Солдат шел на смертный бой с фашизмом, чтобы защищать свою родину и свободу, чтобы защищать свою любовь.

И врага ненавистного
Крепко бьет паренек
За Советскую родину,
За родной огонек.

(М. Исаковский)

И чем дальше, тем нежнее и мужественнее звучит песня солдатской любви, то согревая сердце теплом воспоминаний, то укрепляя в нем надежду. Недаром А. Сурков, автор знаменитой «Землянки» («Бьется в тесной печурке огонь...»), много лет спустя писал: «Около этих песен воюющий человек как бы отогревал свое сердце, продрогшее на холодном ветру окопной жизни».

Сквозная тема военной лирики — солдатская дружба. Она рождалась и крепла в сражениях, в лишениях войны. Хорошо познал ее цену танкист Сергей Орлов. И сумел передать еще в своих ранних, написанных на фронте стихах. Вот тут затворничество в железном танке, скорее всего, сыграло безусловно положительную роль. Так он и писал о дружбе:

Ее начало -- в танке тесном,
Где все делилось пополам,
Как черный хлеб, вино и
Необходимые бойцам.

песпи,

Многими примерами, многими десятками стихотворений можно было бы проиллюстрировать силу этого чувства, его роль в солдатской жизни на фронте... Но еще более глубокое впечатление производит крепость, длительность, прочность солдатской дружбы на протяжении десятилетий. Закаленная в боях, проверенная огнем

А. Алексин, А. Салынский, С. Орлов, Ю. Бондарев
на IV съезде писателей РСФСР.

и смертью, выдержанная на излом, она, как благородный металл, не тускнеет со временем.

Вспомните строки Орлова, которыми начинается эта глава! Подобные им вы найдете и у других его сверстников. Поначалу, вскоре после окончания войны, в них слышится грусть расставания и жажда общения. Жизнь разбросала бывших солдат, и им недостаёт друг друга. «Где же вы теперь, друзья-однополчане, боевые спутники мои?..» Это был призыв не забывать друг друга, не забывать о фронтовом братстве, он прозвучал в песне Алексея Фатьянова и эхом отозвался в стихах других поэтов. До сих пор, по прошествии нескольких десятков лет идет эта постоянная переключка сильно поредевшего строя поэтов-фронтовиков, до сих пор они не теряют ощущения локтя товарища, до сих пор верными остаются законам фронтового братства. Есть чему учиться у них юношам 70-х.

^ «Перед поэтами, рожденными Великой Отечественной войной, — писал один из них, Сергей Наровчатов, — наше общество выдвинуло труднейшую и благороднейшую задачу. Раскрыть духовные начала подвига и передать нравственные ценности поколения своим преемникам — молодым людям современности и будущего, — так вырисовывается она перед нашим мысленным взглядом».

Эту задачу, не сразу, конечно, сознавая ее, и решали в поэзии молодые солдаты и сержанты, командиры взводов, батарей, танков, которые ощутили в себе внутреннюю потребность хотя бы частично поэтически выразить комплекс чувств, переживаний, гигантский напор впечатлений, обрушившийся на них с началом войны. И в минуты затишья, в перерывах между боями, в усло-

виях, менее всего подходящих для писания стихов, они тем не менее заносили на клочки бумаги строки и строфы, целые стихотворения, в которых ощущалось огненное дыхание боя, слышалось биение солдатского сердца.

Сергей Орлов признался позднее, что «на войне писал стихи украдкой». Тогда, по-видимому, в кровавой этой бане, писание стихов не казалось ему, солдату-танкисту, делом, заслуживающим солдатского признания. Поэтому и скрывал молодой поэт стихи «от посторонних глаз».

Не писать же их он не мог.

А я стихи писал, когда все спали.
Все про себя писал. Как тосковал я сам.
Как писем ждал,
Хотел, чтоб вспоминали,
Не забывали...
А ночь в громах ворочалась снаружи,
Стучала пулеметною строккой.
Я юным был, и было мне не нужно
Заемных чувств, чтоб быть самим собой.

Действительно, собственные чувства и впечатления захлестывали молодых поэтов, но им только казалось, что пишут они исключительно о себе: в каждом индивидуальном опыте на войне, в которую были втянуты десятки миллионов людей, при всех особенностях нравственного, психологического и биографического порядка, было много общего всем, типического, распространявшегося на массы людей. И лирический характер в поэзии ли Орлова или Дудина, Львова или Лукопина, Недогонова или Наровчатова, Гудзенко или Жукова, во-первых, непременно имеет некоторые общие свойства, во-вторых, он несет в себе свойства солдатского характера вообще, каким он проявился на войне.

Правда, полнее и художественно ярче этот характер сказался в образе, созданном средствами поэтического эпоса, — образе Василия Теркина в «книге про бойца» Александра Твардовского. Веселый, смекалистый, острый на язык Василий Теркин — характер истинно народный — был настолько понятен и близок солдатской массе, что многие фронтовики узнавали в нем однополчанина, ротного балагура и гармониста, подсказывали Твардовскому дальнейшую судьбу героя, а сам поэт впоследствии признавался, что ему помогло теплое, участливое отношение читателя к поэме, помогло его ожидание, а иногда и «подсказка».

Твардовский писал «Василия Теркина» исходя из «непосредственных нужд народной массы на фронте». Он точно ощутил потребность именно в таком герое, нашел для воплощения замысла оригинальную и в то же время демократическую форму «книги про бойца», «без начала, без конца, без особого сюжета», книги, в которой последовательно соблюдался принцип законченности каждой главы. А поскольку главными читателями были солдаты, то

правда характера и событий в «Василии Теркине» проходила самое страстное испытание.

Подвиг народа в Великой Отечественной войне, ее будни, тяжелый ратный труд солдата на фронте — все это стало глубоко личной темой Твардовского. «Василий Теркин» был, по признанию поэта, его лирикой и публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю.

В «Василии Теркине», наряду с эпическим героем огромного типического обобщения, существует и проявляет себя лирический характер. И надо сказать, что лирический герой, в духовном и нравственном облике которого нашли концентрированное отражение чувства и мысли самого Твардовского, играет существеннейшую роль в идейно-нравственной структуре всего произведения. Его отличие от героя лирики молодых фронтовиков в широте взгляда на войну, в масштабе и большей зрелости осмысливания событий, то есть в том, что придет к поэтам-фронтовикам несколько позднее.

Но это была главная тенденция в развитии фронтовой лирики, к этому она шла — к осознанию масштабов исторического момента, к осознанию роли личности, роли солдата в смертельной ошибке двух миров, в «поединке идей» (Джеймс Олдридж), к осознанию истоков характера, истоков силы и крепости человека, ставшего на защиту родины.

Фронтовая лирика имеет на этом пути развития замечательные достижения. Для примера можно назвать хотя бы несколько произведений, украшающих почти все наши антологии: «Февральский дневник» Ольги Берггольц, «Клятва» Мирзы Геловани, «Моабитская тетрадь» Мусы Джалиля, «Соловьи» Михаила Дудина, «Зинка» Юлии Друниной, «На дне» Алексея Лебедева, «Приду к тебе» Михаила Луконина, «Чтоб стать мужчиной — мало им родиться...» Михаила Львова, «Кельнская яма» Бориса Слуцкого. Впрочем, таким перечнем не обойтись. Остановимся лучше на одном стихотворении, даже в этом замечательном ряду занимающем особое место. Это стихотворение принадлежит Сергею Орлову, и процитировать его надо целиком.

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолее земля ...
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолее...

С. Орлов и П. Воронько на пленуме правления Союза писателей СССР, посвященном литературно-художественной критике.

Сколько ни перечитываешь это стихотворение, глобальный образ — солдата в мавзолее земли — до сих пор потрясает воображение. Прах миллионов покоится в земле: и тех, кто поднял меч, — взбесившихся честолюбцев с их одурманенным человеко-ненавистническими идеями войском, и тех, кто защищал дом и семью, родину, свободу, идеалы добра и человечности. Им — защитникам добра и человечности — стала земля мавзолеем. Такой увидел тебя молодой поэт, юноша в минуту смертельной схватки двух миров, увидел тебя как символ справедливости, любимая наша Земля!

В поэзии этих лет — на границе войны и мира и в особенности сразу после окончания войны, — видимо, внутренне вызрела потребность создать обобщенный образ солдата, образ-символ, который воплотил бы и силу характера, и величие его подвига в битве с врагом. Но обобщая, синтезируя образ, поэзия вместе с тем не лишала его конкретности, ибо война, грозные события ее запечатлелись в конкретных поступках, поведении людей, в картинах.

В стихотворении Павла Шубина «Солдат», написанном в 1945 году, указано место боя — у реки Лицы, в Заполярье, даны некоторые его подробности, но сам образ солдата приобретает обобщающие черты. Поэтическая смелость Шубина здесь заключается еще в том, что его солдат не совершил никакого героического поступка, он даже не успел вступить в бой, даже «распрямиться не смог, не успел», как был убит, а поэт возводит его образ в символ боевой отваги, бесстрашия, выполнения долга. Как реквием павшему солдату звучат строки:

В гранитной могиле,
Сухой и крутой,
Тебя мы зарыли
Под той высотой.

Конечно, Павел Шубин показывает не просто смерть солдата, не успевшего вступить в бой, он сумел перед боем различить в нем «неубитую ярость бойца», героические черты его характера и психологической, нравственной готовности солдата к бою с врагом, готовность сражаться и побеждать. Именно из этого конкретного наблюдения вырастает образ романтически обобщенный, образ-символ.

В окопе холодном,
Безмолвный уже,
Ты все на исходном
Лежишь рубеже.

И, сжатый в пружину,
Мгновенья,
Года
Готов — на вершину,
В атаку, туда,

Где в пламя рассвета,
Легка и грустна,
Зеленой ракетой
Взлетает сосна.

В шубинском «Солдате» есть отдаленная перекличка со стихотворением Орлова «Его зарыли в шар земной...». «Гранитная могила» — это тоже памятник солдату, памятник вечной славы. Но в нем — в этом стихотворении — больше конкретных черт войны.

Самое выдающееся стихотворение этого плана, стихотворение А. Твардовского «Я убит подо Ржевом», даже в названии содержит конкретное указание на место события и в первых же строчках дает новые его подробности: «...в безымянном болоте, в пятой роте, на левом, при жестоком налете». Как видите, тоже не в прямом бою, не в прямом столкновении с противником пал солдат. И уже через несколько строк образ конкретного солдата, того, который был убит в точно указанном месте, перерастает в образ-символ, в образ-предтечу Неизвестного солдата, чей прах ныне покоится у Кремлевской стены в столице нашей родины.

Я -- где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушиный
На заре но росе;
Я --- где ваши машины
Воздух рвут на шоссе...

И уже все дальнейшее содержание стихотворения «Я убит подо Ржевом» воспринимается как завещание *всех павших* остав-

нимся в живых, в этом его огромная обобщающая и эмоциональная сила — в соединении конкретности и символики, подробностей войны и условных обобщений, поднимающих одно из многих событий до символа.

Из короткого разбора трех стихотворений (а их можно было бы привести в пример гораздо больше) мы можем заключить, что стремление масштабно, поэтически сильно сказать о подвиге советского солдата на войне, о значении этого подвига для жизни будущих поколений потребовало от поэтов смелого использования условности, символики, обогащения стиха новой выразительностью. Стихотворение Сергея Орлова «Его зарыли в шар земной...» как бы открывало путь поисков, оно было, пожалуй, первым значительным опытом столь масштабного художественного обобщения в лирике военных лет.

Будучи тяжело раненным и еще до срока окончания войны вернувшись домой, Орлов по-прежнему несет в себе напряжение боя. И позднее, когда отгремели залпы победного салюта, он хочет передать это напряжение в стихотворениях «После боя», «Атака на рассвете». Но теперь углубляются попытки осмысления событий войны в иных ракурсах, и опять-таки в образе солдата-победителя. В одном из стихотворений поэт дает портрет солдата: «Вот человек — он искалечен, в рубцах лицо». И строго, назидательно: «Но ты гляди и взгляди испуганно при встрече с его лица не отводи». И подкрепляет свое назидание внешне контрастной, но внутренним содержанием раскрывающей душевную щедрость и красоту солдата концовкой: «Он шел к победе, задыхаясь, не думал о себе в пути, чтобы она была такая: взглянуть — и глаз не отвести!»

Поэт выявляет в человеке нравственные ценности, внутреннюю красоту через его подвиг на войне, подвиг во имя человечности. Он стремится осмыслить опыт своего поколения как бесценную книгу жизни («А мы такую книгу прочитали... Не нам о недочитанных жалеть»). Может быть, и есть некоторая бравада в противопоставлении собственного опыта — книгам, жизни — песням или в пренебрежительной реплике насчет критики и поэтики («Пускай в сторонку удалится критик: поэтика здесь вовсе ни при чем. Я, может быть, какой-нибудь эпитет — и тот нашел в воронке под огнем»), но право же, для молодого человека, только что пришедшего с войны, такое самоутверждение было вполне естественным.

В принципе же ни у Сергея Орлова, ни у его поэтических сверстников нет ощущения исключительности своей судьбы. Наоборот, им органически присуща идея преемственности поколений, преемственности революционных традиций. «От костров гражданской войны», от «гневных воззваний», обгаренных алой кровью героев, ведет родословную подвига поэт Сергей Орлов. Люди, делавшие революцию, рядом с ним воевали на фронтах Отечественной, он видел их в сражениях, побратался с ними перед лицом смерти.

Эстафета поколений и не замыкается на фронтовиках, поэт смотрит на подрастающую смену, смотрит по-отечески доброжелательно и с надеждой, и в то же время строго, зная, какие испытания могут выпасть на ее долю. Уже в том, как повзрослевшие юнцы поют старые фронтовые песни («В электричке»), поэт ощущает связь и близкое родство с ними, и вздох облегчения, внутренней удовлетворенности завершает стихотворение: «И мы стоим, грустя, в сторонке, и родина на всех одна».

Но это уже Орлов 60-х годов. Здесь же обратим внимание на то, как молодой поэт смотрит на свое призвание, как он сам оценивает свою музу. Он скажет, как писались стихи — «руками, огрубевшими от стали». Он выскажет мечту:

Когда-нибудь потомок прочитает
Корявые, но жаркие слова
И задохнется от густого дыма,
От воздуха, которым я дышал,
От ярости ветров неповторимых,
Которые сбивают наповал.

Главным, самым существенным для поэта остается то, чтобы «потомок» его услышал, «как в стихах поет свинец, как дымом пахнет все стихотворенье, как хочется перед атакой жить...». Перед этим главным уже не кажутся существенными погрешности в рифме, некоторые формальные неловкости и шероховатости в стихе.

Хочется еще раз повторить, что нотка пренебрежения к формальной стороне творчества, к отделке стиха объясняется единственно стремлением утвердить главное — правду жизни, опыт, оплаченный великими жертвами. Никогда после, в зрелые годы, Сергей Орлов не высказывался пренебрежительно насчет поэтической культуры. В молодости он стал ветераном и мог с достоинством сказать от имени сверстников: «Мы знаем хлеба с солью цену и сладость из ручья воды». Тогда ему казалось, что этого достаточно, чтобы возжечь огонь поэзии.

Сергей Орлов 60-х годов в изумлении застывает перед фресками Дионисия, который «перенес на стены кистью тепло зари и синь озер», и его теперь заботит именно *само искусство*, его «секреты», его магия: «Мой край родной, мой друг великий, как опишу твою красу?» Поэт закономерно приходит к диалектическому пониманию единства содержания и формы в реалистическом искусстве.

Великая Отечественная война на десятилетия вошла в советскую литературу как событие всемирно-исторического значения. «Героическая борьба советского народа в корне изменила ход второй мировой войны,— говорил Л. И. Брежнев на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.— Ее сражения развернулись на огромном пространстве — от Атлантики до Тихого океана, от льдов Гренландии до африканских пустынь, однако главным театром военных действий стал советско-

германский фронт. По существу здесь решались не только судьбы советского народа, но и судьба всего человечества»¹.

Такова объективная оценка гигантских усилий нашего народа, великих жертв, принесенных им на алтарь победы. В этом же выступлении подводится и нравственный итог событиям тридцатилетней давности: «Все меньше среди нас участников Великой Отечественной войны. Их дела, их подвиги переходят в легенды, становятся частью памяти народной и души народа»².

С этих позиций и подходит советская литература к отображению событий минувшей войны. И если проза, как бы она на разных этапах ни меняла ориентацию от солдатского окопа до ставки Верховного главнокомандующего, отразила (и продолжает отражать) ее событийную сторону, показала не только человека на войне, но и воюющий народ, то поэзия большее внимание уделила именно человеку, нравственной, духовной стороне солдатской жизни и в эти четыре незабываемых года, и в последующие десятилетия.

Разделение это чисто условно, ибо и проза не обошла вниманием нравственный облик солдата на войне, и поэзия не избежала попыток крупномасштабного, эпического отображения событий. Однако возможности того и другого рода литературы не одинаковы.

Военная проза развивалась за последние десятилетия по нарастающей, временная дистанция давала ей возможность укрупнять план, укрупнять масштаб показа событий, осмысливать их в контексте исторического развития. Поэзия таких задач перед собой не ставила. В центре ее внимания сразу же после войны оказался человек, фронтовик, прошедший четырехлетний путь жесточайших испытаний огнем и железом, оглушенный необычной тишиной майского утра 1945 года, когда на европейском континенте смолкли пушки.

В поэзии первых послевоенных лет заметное место занимает тема возвращения солдата, встречи с родным домом.

Я на землю по трапу ступил,
За которую в битву ходил,
Спал в снегу, у лесного костра,
Шел навстречу горячим ветрам,
В танке тесном два раза горел.—
Несмотря ни на что, уцелел.

Это Сергей Орлов. И еще — он же:

Все то же — дом и тополь
Комолый у ворот.
Все то — от трав до стекол,
Лишь только я не тот.
Не тот я, не мальчишка
С веселым вихорком,

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1976, т. 5, с. 284, 285.

² Там же, с. 288.

Знакомый лишь по книжкам
Со всем, с чем я знаком:
С дорогой, с расставаньем,
Со смертью и свинцом,
Со страшным расстоянием,
Где дым и пыль в лицо...

Возвращаясь с войны, солдат-фронтовик не может прежними глазами смотреть ни на свой дом, ни на свою малую родину, не может отрешиться от трудных воспоминаний, ибо на него давит непомерный груз утрат, он не снял с себя психологического и нервного напряжения, не снял накопившейся за эти годы усталости.

Разумеется, тема возвращения имеет немало поэтических вариантов — от высокотрагедийного в стихотворении М. Исаковского «Враги сожгли родную хату...» до патетического в стихотворении Е. Долматовского «Снова на родине» или эпического по размаху в поэме А. Недогонова «Флаг над сельсоветом». Но в любом из вариантов она неотрывна от воспоминаний о войне. Оттуда же, из опыта войны берется и критерий жизненного поведения.

Сергей Орлов был одним из тех немногих поэтов фронтового поколения, кто попытался в первые же послевоенные годы перейти к мирной тематике, он внимательно присматривается к иной жизни и иным обстоятельствам, возникшим после войны в родных местах, присматривается к людям разных профессий. Помимо того что критика нетерпеливо подстегивала поэтов, требуя от них скорейшего переключения на темы мирного строительства, Орлов и сам испытывал потребность теснейшего творческого сопричастия к общенародному делу налаживания сильно расстроенного за годы войны механизма мирной жизни. Возвращение в родные края означало переход в новое состояние, казалось ему, подводило итог пережитому.

Тогда и появляются стихотворения «Плавучая культбаза», «Плотогон», «Новый мост», «Паромщик», «Бакенщик» и другие. Уже по названиям видно, что поэт идет навстречу людям и всему новому, что возникает в трудный период послевоенного восстановления.

Нет сомнений в том, что Сергей Орлов со всею искренностью, с большим желанием хотел вжиться в проблемы послевоенной действительности, выразить в стихах новые впечатления, новый опыт. Попытки эти видны во многих стихотворениях 1946—1948 годов. Но нельзя сказать, что они заканчивались серьезными успехами.

Видения войны преследовали поэтов-фронтовиков, они не оставляли их спокойными по отношению к себе, они тревожили сердца солдат. Недаром у Сергея Орлова видения войны то и дело врываются в сны солдата, и «он хрипит, ругается и плачет в мире абсолютной тишины», «время меж закатом и рассветом человек проводит под огнем». Он вжился в войну, он мобилизовал нервную

систему, психику, приспособившись к исключительным обстоятельствам, позади у него четыре года тотальной мобилизации всех человеческих ресурсов на то, чтобы не только выстоять в войне, но и победить сильного и коварного врага. Выйти из этого состояния удалось далеко не сразу.

Так было с ранеными в войну, они бредили боем, они продолжали его, теряя сознание от потери крови. Об этом написано одно из лучших стихотворений Орлова конца 40-х годов «Как стога, стоят снега...». Раненый под станцией Мга танкист бредит в медсанбате, то и дело произнося название станции, «видно, вплоть до смерти воин танк на Мгу упорно вел».

Да, военная тема — в картинах, в воспоминаниях, в снах, в беглых ассоциациях — снова и снова возникает в стихах Орлова, возникает, утверждается и остается главной в его творчестве. Да и трудно представить себе что-нибудь иное, ведь для Орлова, как и для других поэтов его поколения, Отечественная война стала самым тяжелым уроком жизни. Молодыми людьми, юношами получили они первое крещение огнем и вышли из войны закаленными ветеранами. Тот внутренний опыт, который был приобретен на войне, то обнажение характеров, душ, которое пришлось наблюдать в эти годы, не могли быть вытеснены даже очень сильными поздними впечатлениями. Нельзя не учитывать, что те впечатления, тот опыт воспринимались свежими, юношескими чувствами и они были громадной концентрации, так что, выдержав этот психологический, нравственный и физический напор, устояв перед лицом смерти и сохранив человеческое достоинство, утвердив его победою над грозным противником, — Сергей Орлов, как представитель своего поколения, на всю жизнь остался верен памяти о славном прошлом.

Само же военное прошлое таит в себе такие запасы непознанного, такое богатство психологических, нравственных и социальных коллизий, такой драматизм и неисчерпаемое количество сюжетов, что всего этого хватит не только писателям-современникам, но и тем, кто только начинает свой творческий путь, кому природою дан талант и умение в художественных образах воскрешать прошлое.

Конечно, будучи натурой активной, Сергей Орлов, как и его сверстники, другие поэты фронтовой плеяды, не замкнулся в военной теме, он все шире раздвигает горизонты познания современной действительности, все глубже вживается в насущные проблемы жизни города и села. Военная же тема то возникает на поверхности, то колышет поверхность глубинным, донным течением.

Отрицательное влияние на творческое развитие Орлова в эти годы оказала так называемая теория бесконфликтности. Эта теория, внушавшая ложное, иллюзорное представление о том, что якобы с ликвидацией антагонистических классов в нашем обществе исчезла почва для конфликтов и что-де ныне возможен только «конфликт между хорошим и отличным», дезориентировала неко-

торых литераторов, приводила к созданию слащаво-лакировочных произведений не только в драматургии и прозе, но и в поэзии. В практике же драматургии, где действие, как правило, строится на столкновении характеров, теория бесконфликтности нанесла особенно ощутимый вред.

Есть этакий палет легкости, бездумности и на некоторых стихах Сергея Орлова. Вот едут новоселы в Сибирь:

А в вагонах — все окна настежь,
Вьется кольцами дым веселый,
В область сердца, по праву счастья.
Едут юные новоселы.

Область сердца, область Сибири, —
Там в пшенице один заблудисься.
И по сердцу леса на Свири:
Что задумано — все там сбудется.

Как в волшебной сказке — что задумано, то и сбудется. Риторические пустоты, отсутствие реальных представлений о том, что ждет новоселов в далеком краю, когда народ, страна переживали трудное время восстановления и развития народного хозяйства после разрушительной, тяжелейшей войны, — вот что характеризует подобные стихи.

И нельзя сказать, чтобы они были у Орлова случайными, как нельзя сказать, что они были только у Орлова. Его старший по годам земляк, поэт, тоже прошедший дорогами войны, воевавший под Ленинградом и Сталинградом Александр Яшин написал в эти годы поэму «Алена Фомина», где острейшие жизненные проблемы разрешались довольно легко и безболезненно. Так было не только у Яшина и Орлова.

Странное явление: жизненные противоречия, столь резко обозначенные в военной лирике, словно бы потеряли очертания. Конечно, характер противоречий коренным образом изменился, но они остались, не ощутить их в живой действительности было невозможно. Конечно, помимо влияния теории бесконфликтности, которая одно время, пока не выступила против нее «Правда», довольно активно внедрялась в сознание писателей критикой, было еще страстное желание самих писателей приблизить будущее, поторопить его приход. Но при этом не учитывалось, что искусственное приближение будущего может посеять в умах только иллюзии...

Не удивительно, что в это время появляются стихи созерцательные, что подлинное лирическое волнение подменяется в них форсированным возбуждением, высеренной фразеологией. Стилистика их бедна, эклектична, старомодна.

Сергей Орлов отдал дань розово-голубому стихописанию, но он не мог и не стал типичным выразителем теории бесконфликтности в поэзии. Гражданская биография поэта, его солдатская выучка не позволили ему закрыть глаза на противоречия и слож-

показывает обыденный, каждодневный труд строителей, который ими вовсе не расценивается как подвиг, но который чем-то все же напоминает ратный труд. Правда, и в стихах о строителях Волго-Дона мелькают строки назывные, плакатные, вроде таких: «Шарни, опаленные жарою... Вот они сидят, творцы чудес, зрители и главные герои будущих непревзойденных пьес», — но внимание поэта все больше привлекает характер труженика, характер человека, преобразующего природу.

Заметим попутно, что Волго-Дон, как одна из крупнейших послевоенных новостроек, стал в то время, буквально, местом паломничества писателей, и прежде всего поэтов. Появились большие циклы стихов и поэмы, посвященные строителям канала. И как раз все наиболее удачное на эту тему связано с раскрытием характеров. Поэзия вторгалась в жизнь на этом отрезке времени и на этом тематическом направлении средствами эпоса.

У Сергея Орлова есть стихотворения такого плана. Одно из них — «Лесовод». Тематически оно как бы развивает стихотворение «Сталинградский дождь», но уже с идеей преодоления человеком стихийных сил природы, борьбы с суховеями. И главное в нем — характер, образ лесовода, которому «пока что до колена» посаженные им дубки. В чем проявился его характер? «Над каждым (дубком. — А. М.) он склонялся со стараньем, как будто бы он пламень раздувал листья негромкой собственным дыханьем, рвал сорняки и землю поливал».

В создании же образа поэт — осторожно, не отрываясь от реальной почвы, не избегая подробностей обыденного свойства — прибегает к символике.

Когда-нибудь на праздничной равнине,
Под кронами столетними дубов,
Когда не будет на земле в помине
Ни этих суховеев, ни песков,

О нем потомки вспомнят. И в тумане
Голубоватой утренней росы
Таким же точно он для них предстанет,
Как в этот день стоял у полосы:

Сутулый, в гимнастерке неизменной,
Ладони заскорузлы и грубы,
И точно так же будут до колена
Тогда ему столетние дубы.

Некоторые атрибуты «праздничной» романтики вполне уравниваются реалиями быта и живыми чертами образа лесовода, человека-труженика, покорителя стихийных сил природы, образа, вырастающего в конце, при помощи гиперболы, до символа.

В первые послевоенные годы армейская тема в ее мирном варианте почти исчезла из поэзии фронтового поколения, исключая, пожалуй, его младших представителей — Е. Винокурова и К. Ваншенкина. И уже где-то в начале 50-х — через тему возвращения в

свою часть, встречи с молодыми однополчанами, заменившими в солдатском строю ветеранов,— поэты военной плеяды обратились к армейским будням.

Но вначале было узнавание, братание с младшими, утверждение преемственности разных поколений воинов. Смотрит сегодня на молодого солдата в ротном строю ветеран и, конечно, себя вспоминает молодым. Вспоминает и сравнивает. И делает вывод.

С ходу не форсировал он Одер
В сполохах гудящего огня,
Но глядят с надеждою народы
На него, как прежде на меня.

На него надеются по праву
Так же, как когда-то на меня,
В главном штабе маршалы державы
И в колхозе вся его родня.

Разный душевный опыт у двух поколений солдат. Если ветерану спустя годы все еще снятся сраженья, если он то и дело проводит ночь, заново переживая горькие потери войны, то сегодняшним молодым солдатам «снятся» ночью... «гражданские сны» («Ночью в казарме»): «В этой комнате, если б могли, мы увидели реки, горы, долины, дороги в пыли, слесарей, трактористов, веселых строителей, мирных жителей — добрых хозяев земли».

Теперь бывшего фронтовика Орлова влечет не только в родной полк, где он служил в годы войны, но и на пограничную заставу, ему хочется посмотреть, а как там, ближе к боевой обстановке, несут службу молодые солдаты, каковы они не на параде, а в деле. Так появляются стихотворения «Начальник заставы», «Тишина», «Застава имени Коробицына», обогатившие и тематически и идейно творчество Орлова в 50-е годы, обогатившие прежде всего армейскую тему. В общении с пограничниками, в ощущении близости границы и возможной опасности гораздо острее, чем просто от встреч с солдатами, возникло чувство уверенности в победе сил мира.

Существенным выводом от непосредственного общения поэта-фронтовика Орлова с молодыми воинами, солдатами его бывшего полка и пограничниками было не только то, что это общение закрепило в сознании идею преемственности, закрепило уверенность в надежной защите государства, но еще и то, что общение это должно было выявить и выявило, по-видимому, отношение молодых воинов не просто к ветерану, но — к поэту. Перед солдатской массой держит экзамен поэт, так же как эти самые солдаты держали экзамен в строю, на границе перед ветераном («Экзамен»).

Легко догадаться, что сдать экзамен, наладить взаимопонимание с солдатской массой «в тысячу человек» помогает фронтовое прошлое. Поэт припоминает, как поначалу недоверчиво отнеслись к стихам его, тогда совсем еще молодого человека, простого танкиста, боевые товарищи («Что ж, послушаем и проверим — стихо-

творец ты или нет»). Признали, видно, танкиста стихотворцем боевые товарищи, иначе не читал бы им «у костра под открытыми небесами возле Мги стихи до утра».

И сейчас, оказавшись перед тысячной солдатской аудиторией, поэт ощутил легкую атмосферу недоверия. Он принимает безошибочное решение: «Нужно им доказать стихами, что я брал в сорок третьем Мгу, что прицелом и рычагами, словно рифмой, владеть могу...» Тут уже получается двойной экзамен — на поэта и на танкиста.

Орлов не предлагает в этом стихотворении никакого итога, он обрывает его на самой кульминации: «Зал откашлялся, смолкнул, замер...» Никакой реакции еще нет, поэт для себя констатирует: «Понял я: лишь спустя семь лет, вот сейчас я держу экзамен — стихотворец я или нет».

Положительный вывод насчет исхода экзамена нам позволяет сделать весь строй стихотворения, развитие сюжета, аргументы, которые поэт готов предложить солдатской аудитории в свою пользу. Аргументы эти — фронтовая биография поэта, нашедшая отражение в стихах. Надежный мост, по которому проходят коммуникации связи поколений, взаимопонимания. Можно к этому добавить, что выступления Сергея Орлова в воинских частях всегда проходили с огромным успехом.

...Середина 50-х годов. Для поэзии время оживления, выхода на эстраду, на газетные полосы, в массовую аудиторию, которая нетерпеливо ждала ответов на многие жгучие вопросы, поставленные тогда жизнью. Первыми на эстраду ринулись молодые. С горячностью неизбежных скакунов и в искреннем порыве объяснить такой же, как и они, молодой читательской аудитории, что произошло и что происходит в жизни, молодые поэты завладели всеобщим вниманием. Мы еще вернемся к характеристике этого явления в последней главе книги, но заметим все же, что ретроспективный анализ, оценка событий недавнего прошлого в жизни народа, связанного с культом личности, составлявшая пафос довольно большого количества стихов молодых поэтов, не стала пафосом творчества поэтов фронтового поколения. И разумеется, не потому, что они остались равнодушны к этим событиям или не проявили к ним интереса. Объяснение заключается в том, что прошедшая жизнь виделась им не такой уж открытой для понимания, не поддающейся простому расчленению на плохое и хорошее, на черное и белое, что противоречия ее виделись более диалектически сложными. Нужно было время, чтобы глубже понять все это. Вот почему поэты военного поколения не торопились и очень обдуманно, осторожно касались этих тем, а иногда и вовсе не касались их, доверяясь больше собственному опыту, собственной биографии. Примером диалектического подхода к теме является глава «Так это было» из поэмы А. Твардовского «За далью — даль».

О Сергее Орлове можно сказать, что эти годы для него были годами поисков своего места в поэзии, своей старции отправления.

Идейно-тематический диапазон его стихов заметно расширяется, он пишет о мирных солдатских буднях («Полк обедает») и о поездке на Шекспу («Гудок над пристанью вечерней...»), о любви («Стихи о первой любви», «Голос первой любви моей...») и о сыне («Палочки две и одна закорючина...»), о тихих районных городках («Над тихими столицами районов...») и о первом тракторе («Первый трактор»), о бывшем товарище, превратившемся в дачника-приобретателя («На даче») и об одинокой женщине («В Большом Гнездиновском...»).

Некоторые из стихотворений этих лет несут на себе следы влияния Твардовского, их интонация, ритмический строй, стилистика напоминают то незабвенного «Василия Теркина», то более раннюю «Страну Муравию». Вот эти, например, строки из стихотворения «Над пирогами и борщом...»:

И спор, как сор, и хмель долой,
И в сторону вино.
И лозунг тот — хоть час, да мой —
Сосед забыл давно.

И не хозяин под хмельком,
Уже тяжел и сед,
А песня правит за столом,
И жен уж рядом нет.

Вспомним тут же и строки из 3-й главы «Страны Муравии»:

Дружили двадцать лет они,
До первых до седин,
И песни нравились одни,
И разговор один...

Посоловельные слегка,
На стол облокачась,
Сидят, поют два мужика
В последний, значит, раз...

Дело, конечно, не в тематической перекличке, тут у Орлова и у Твардовского разные задачи, а дело в структуре стиха, в интонационных ходах, в стилистике. Легко заметить, что Орлов в своем стихотворении шел от Твардовского. Влияния, которые обнаруживаются в «деревенских» стихах Орлова 50-х годов, по-видимому, можно объяснить тем, что он не выходил из круга уже известного, уже поэтически освоенного материала сельской тематики.

С некоторыми оговорками, то же можно сказать и о цикле зарубежных стихов Сергея Орлова («Встреча в Париже», «В Риме» и др.), но в нем уже угадываются *разные* влияния, стихи этого цикла похожи на многие «заграничные» стихи 50-х годов, на которых лежит хорошо видимый отпечаток туристического знакомства со странами и народами. Даже названия стихотворений напоминают страницы туристических справочников: «Акрополь», «В Риме», «На Босфоре», «У берегов Испании», «В Праге»... В пе-

риод, когда начались туристические поездки за границу, такие циклы стихов писали многие. Увы, мало кому удавалось в познании новой действительности выходить за пределы туристических достопримечательностей.

Россия — Родина моя!
Есть на земле края иные,
Где шум лесов и звон ручья
Почти такие ж, как в России.

Побудешь в разлуке с родиной, и ярче, отчетливее, красочнее видятся, больше, чем обычно, волнуют «в густой траве осколки звезд, средь утренней червленой сини огонь рябин и снег берез, плотин бетонные твердыни...». Это уже иной, чем в стихах о войне, образ родины, он более лиричен, но в то же время и более масштабен, не лишен исторической перспективы, современен.

Вот этот мальчишка, привидевшийся во сне, — он сам — «ве-

селый, счастливый, довольный», еще не опаленный огнем войны, еще не проявляющий интереса к тому, что «девушка в садике школьном впервые тоскует о нем»: как хочется окликнуть его, сказать ему, чтобы он вернулся к девушке в садик, взял ее за руку, пошел по тропинке и прислушался бы к тишине, наслаждался ею, наслаждался пением птиц, пока еще не поздно...

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных оконных потемках
Я письма твои ожидал,

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила, как чудо,
Когда умолкала гроза,

Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...
Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

Жизнь — не кинематограф, в ней нельзя старые кадры заметить новыми. И не нужно. Это хочет сказать Орлов. В такомприятии уже прожитой жизни нет никакого фатализма, в нем есть реальная оценка опыта, оказавшего огромное влияние на формирование лирического характера. Именно это сейчас, по прошествии уже нескольких лет, существенно и ценно для поэта в прошлом.

При всем том поэту чужд аскетизм, он может и погрузиться о прошлом, о той поре, когда был молод и красив. Обнаруживши в столе случайно свою старую фотографию — бравого танкиста, обвитого портуней, прислонившегося к броне, пока еще не побывавшего в боях, он и восхищается им, и грустит о нем. И чуть заметной иронией снимает налет сентиментальности, которая чужда манере Орлова: «Солнце светит на траках, дымится броня. Можно просто заплакать, как мне жалко меня». Последней этой фразой в стихотворной цитате поэт придает иронический оттенок чувству грусти и жалости, которым он позволил проникнуть в сердце. Дескать, не идут они солдату, но в то же время — куда от них деться.

Еще через много лет эта тема — взгляд на себя в прошлом, на свою молодость — снова всплывает в стихах Орлова. Снова он смотрит на старую фотографию военных лет, где изображен «юнец, мальчишка в гимнастерке».

Он, улыбаясь, на меня
Глядит из взорванного мира,
В планшете кирзовом храня
Настроенную музыкой лиру.

Чему он радуется там?
Снаряд шальной, завыл, ударит,
И он не пискнет, как комарик,
А полк уйдет к иным огням.

Этот до боли, до слез близкий ему юнец, этот мальчишка-танкист — не двадцатилетний ли Сережа Орлов? Впрочем, он может быть и любым из его сверстников. Но ведь и его, тогдашнего, и сверстников молодого воина России познать до конца даже теперь не просто.

Гомер гвардейского полка,
Ни жизни, ни любви не зная,
Он может все наверняка,
О чем я не предполагаю.

Вот она — мера человеческого достоинства: «...он может все наверняка...» Мера и — вера. Вера в человеческие возможности, в боевой дух русского солдата, в то, что на войне ничем количественно не измерялось, но учитывалось наряду с оружием и боеприпасами как материальная сила. Так как же можно об этом забыть, как можно не вспомнить об этом перед штурмом новых высот, в ходе большого и всеохватывающего сражения за прекрасное будущее для всего человечества!

Уже в 50-е годы Орлов ищет не просто психологическое объяснение своей приверженности к военно-патриотической теме, он связывает ее — хоть и не напрямую, косвенно, в попутных ассоциациях — со штурмом неба «мировых высот», с выходом на орбиту Земли спутников. Фронтное прошлое обретает образ «дальней планеты» и тем самым вписывается в современность, в новую, космическую эру. «Дальняя планета» — прошлое — выводит на орбиту памяти свои ракеты. Прошлое озаряется светом нынешнего дня, его космическим сиянием, но и на космических кораблях есть отблески воинской славы народа, вот почему даже в дни торжеств идут к поэту «стихотворенья в шлемах, в кирзе с головы до ног».

Не так ли, но только более определенно, конкретно проводил связь между подвигом солдата на войне и покорителя космоса А. Твардовский в стихотворении «Космонавту»? Почти до конца жизни тема долга живых перед павшими в войне, их великой ответственности за будущее, ради которого народ понес тяжелейшие жертвы, была внутренней темой Твардовского. Именно в этом плане воспринимается и стихотворение «Космонавту».

Разделяя всенародное торжество, восхищаясь подвигом покорителей космоса, поэт вспоминает и о тех, чей подвиг «в будний день войны» не был, да и не мог быть отмечен столь громкой и заслуженной славой. Задушевна интонация этого лирического послания, где поэт вспоминает «новичков из пополнения», которые стартовали с «аэродромов отступления» уже «под Ельней, Вязмой или самой Москвой», — они, эти молодые хлопцы, «в свой космос... делаи разбег».

Поэт ведет мужественный, уважительный разговор с младшим современником, который все поймет, ибо он воспитан в уважении к подвигу отцов и старших братьев, он продолжает их дело.

Элегические воспоминания поднимают в душе волну горькова-

то приправленных благодарных чувств, но мысль поэта рвется из плена воспоминаний: «Но не затем той памяти кровавой я нынче вновь разматываю нить, чтоб долею твоей всемирной славы и тех героев как бы оделить». У них своя судьба, говорит поэт, они причастны своей, «особой славе, принятой в бою». Так что же заставило его оглянуться назад, в прошлое, что заставило снова вспомнить трудные дни войны? Радостное открытие родства поколений, преемственности подвига во имя общего святого дела. Поэта воодушевляет сознание того, что не напрасно принесены жертвы, что живые достойно продолжают путь в будущее.

Так сохранилась ясной и нетленной,
Так отразилась в доблести твоей
И доблесть тех, чей день погас бесценный
Во имя наших и грядущих дней.

Грустное воспоминание не омрачает радости великого события нынешнего дня, события, потрясшего мир и возвеличившего нашу родину и народ. Твардовский своим воспоминанием соединил подвиг «разведчика мироздания» с подвигом предшественников. В его стихотворении отозвались и радость победы в космосе, и гордость за нашего современника, родного брата многих неизвестных героев. Узнавание их молодости и судьбы в молодости и судьбе героя космоса и вдохновляет поэта, укрепляет в нем веру в наши силы, в будущее.

Идея преемственности деяний народа, теснейшей связи прошлого с настоящим окрыляет лирику поэтов фронтового поколения, выводит ее на стрежень современности, придает ей историческую масштабность. Стихотворение «В день танкиста» Сергея Орлова воскрешает, казалось бы, вовсе незначительный эпизод из времен войны, как однажды, в преддверии боя, кто-то из солдат бросил реплику: «Вот костер и машины, как в степи на стану...» Этого оказалось достаточно, чтобы в солдатских сердцах проснулся дух людей мирных профессий — шоферов, трактористов, комбайнеров, чтобы в них открыто выявилась тоска по своим мирным профессиям, по своей мирной работе...

Отсюда, из прошлого поэт перебрасывает мост в наше время. Когда гремят салюты в честь танкистов, кто-то на целинных землях Алтая или Казахстана скажет вдруг в тишине: «Вот костер и машины, как привал на войне...». И тогда поднимется «цвет гвардейской бригады» — бывшие танкисты, приехавшие на целину, чтобы вести битву за хлеб. История и современность смыкаются, чтобы открыть перспективу движения в будущее.

Военная сюита С. Орлова, складывавшаяся на протяжении более чем трех с половиной десятков лет, звучит то скорбно и возвышенно, то сурово и буднично, то гордо и мужественно, и в ее многогласии, в интонационном богатстве, в тематическом разнообразии постоянно ощущается внутренняя идея, выражающая сущность мировосприятия поэта, — идея бессмертия солдатского

Л. Мартынов, В. Дементьев, С. Орлов на объединенном пленуме творческих союзов, посвященном 50-летию образования СССР.

подвига во имя родины. Начиная, может быть, со стихотворения «Карбусель», написанного под непосредственным впечатлением от гибели боевых товарищей, и кончая трудными раздумьями зрелого человека в стихах книги «Верность» (1973), Орлов многократно возвращается к теме памяти. И видимо, вовсе не случайно второй том его итогового двухтомного издания — «Избранного» — завершается следующими строчками о советских солдатах, павших на второй мировой войне:

Такого они сокрушили врага,
Такую победу их сталь утвердила,
Что ими оплачены даже снега,
Которые их покрывают могилы...

И все же, если вернуться к концу 50-х и началу 60-х годов, то можно обнаружить, что — за повседневными заботами — поэзия иногда теряла ощущение тревоги, боевой готовности и вместе с этим — интерес к теме минувшей войны. Это можно сказать и о С. Орлове, который с грустью констатировал: «И даже мы, по честному признаться, все реже вспоминаем о фронтах».

М. Максимов целый раздел в книге стихов озаглавил — «Прощание с войной». Гордость и грусть, напряженное прислушивание ко времени и вглядывание в его особые приметы — все эмоциональные ракурсы этого раздела пронизаны ощущением войны. Самое сердечное, самое высокое слово сказано о поколении людей,

Не для слез и мемуаров
вспоминаем.
Люди мира вспоминать о нем должны.
Мы об этом
всей земле напоминаем.
(М. Луконин. «Напоминание»)

Об этом же написаны пронзительные стихи, вошедшие в книгу О. Берггольц «Узел», А. Межирова «Ладожский лед», М. Дудина «Дорога жизни», М. Луконина «Необходимость». Об этом написаны многие стихи Сергея Орлова.

Почти через десять лет после окончания войны Орлов написал стихотворение «9 мая 1945 года». Временная дистанция внесла определенный новый аспект в поэтическое осмысление нашей победы.

Багровый флаг горел, кипел над крышей,
И, может, как в семнадцатом году,
К нему народ бежал, ту весть услышав,
Детишек подбирая на ходу.

Новый аспект заключен в исторической оценке победы советского народа, в установлении ее прямой связи с революцией 1917 года.

А еще через пятнадцать лет, уже в 1970 году, в стихотворении «1945-й», историческая оценка события дается в еще более широкой перспективе: «Четыреста лет не бывало такого периода мира в Европе, как этот». Вот что значила и значит победа советского народа в войне с фашизмом.

В этом свете и предстают слагаемые победы, над которыми не переставал размышлять поэт более трех десятилетий. Иногда в боевом эпизоде, в типичном сюжете военной поры он стремится создать обобщенный образ неизвестного солдата-героя («Шестнадцать лет тому назад»), иногда воскрешает в памяти атмосферу и дух морально-политической подготовки солдат в боевых условиях («Я в сорок третьем был комсоргом роты...»), а иногда в одном стихотворении («Памятник») соединяет прошлое и настоящее, подвиг и память о нем, как бы желая показать молодому поколению, какую ценой заплачено за эту память. И строки стихотворения звучат эпически величаво, сдержанно:

Среди хлебов гранитный пьедестал.
Суровых линий прямота простая.
Тяжелый танк над рощами привстал,
О мужестве векам напоминая.

Вот как видится Орлову памятник героическим танкистам, о подвиге которых и рассказано в том же стихотворении. И еще об одном памятнике — на Пискаревском кладбище в Ленинграде, и тоже сурово и торжественно, с бесконечным уважением к защитникам великого города, «блокадникам», которым «обязан жизнью город и ратной славою своей», живым и мертвым:

В соседях ближних, в землях дальних
Сильнее слов любых гремит
Молчание мемориальных
Гранитных пискаревских плит...

Именно военная тема, тема солдатского и всенародного подвига и подводит Сергея Орлова к постижению жгучей современности и — в исторической перспективе — соединяет ее с прошлым, «вписывает» в историю.

История. О давнем, незабвенном
Трещит от споров некий храм наук.
Но вот она, как молния, мгновенно
Сверкнет, идущий день осветит вдруг.
И ход времен движение обретает,
Как бы непостижимо для ума,
И истина горит, и воск не тает,
И говорит история сама.

Эти строки написал поэт, который видит движущуюся панораму действительности, чувствителен к обновлению жизни. Зрелый поэт, понимающий, что историю делали «рабочие в цехах сталковых», и крестьяне, потом своим орошавшие землю, и солдаты, выполнявшие патриотический долг. «Она и солона и дорога. И в годы трудные народ в ней силы черпает, в истории...» Строки эти перекликаются со строками Ярослава Смелякова из «Надписи на «Истории России» Соловьева: «История не терпит суесловья, трудна ее народная стезя. Ее страницы, залитые кровью, нельзя любить бездумною любовью и не любить без памяти нельзя».

Понимание, «ощущение» (как сказал Смеляков) истории вызрело и стало важной приметой лирических размышлений. Оно придало более глубокий характер философской лирике, оно помогло установить связь времен — прошлого, настоящего, будущего. От него стало просторнее в стихах. Просторнее мысли, ассоциациям, взгляду, слову.

Орлов, несколько неожиданно для него, эпизодически отталкивается от исторических, далеких сюжетов, чтобы войти в философскую атмосферу современности. Таковы стихотворения «Кто был изобретатель колеса?..», «А кто такой Бартоломей Диас?..», некоторые другие. В самом деле — кто сейчас помнит изобретателя колеса? «Все о нем забыли». А ведь он — гений, «он на мир не так, как все, смотрел, без подражанья мыслил, без сравнения». Он изобрел колесо! И все технические чудеса нашего века «ни в чем не зачеркнули колеса».

То же самое — Бартоломей Диас. Многие ли знают его имя, имя человека, когда-то первым обогнувшего по морю Африку? «Я спрашивал, мне люди не ответили». И тогда, в пятнадцатом столетии, когда Диас совершал свой героический рейс, «в стольном Лиссабоне... никто о нем не вспоминал, не знал о нем, и только шальная девка, все забыв с тоски, обласканная как-то пенаро-

ком, не забывала жарких две руки и знала, кто такой Диас, до срока».

Когда же вернулся Диас победителем, то был обласкан королем, ему рукоплескал народ, но девку он забыл. Вот какова диалектика жизни. А что же пынче? «Мир шире стал, чем был, для всех для нас». А кто помнит Бартоломея Диаса?

Разумеется, смысл стихотворения состоит не только в том, чтобы утвердить в памяти народов великие исторические деяния. Это относится и к стихотворению «Кто был изобретатель колеса?...». Сергей Орлов заставляет нас подумать о том, что же в жизни имеет подлинную ценность и как надо к ней относиться. Ведь не иконописец, не идеализирован и Бартоломей Диас, человек, сделавший великое открытие, эпизод с «шаловой девкой», которая была забыта в час торжества, — живой штрих характера, дающий пищу для размышлений о том, какое влияние слава оказывает на человеческую мораль...

Так уж устроен человек, что в разное время, в разном возрасте, в разных душевных состояниях он готов возвысить одно чувство за счет другого, одни нравственные достоинства за счет других. И тот же Орлов, который со всею страстью, с искренним намерением утвердить в памяти потомков исторические деяния предшественников писал стихотворения об изобретателе колеса, о Бартоломее Диасе, некоторое время спустя как бы смирился со всем тем, с чем не мирился, и славит лишь одно — прекрасное и вечное — любовь.

Стирает время в пыль державы,
И гордая стареет новь,
Бессмертная проходит слава
Легко, как дым.
И лишь любовь
Летит поверх барьеров Рима,
Сквозь все века и времена —
Добра, безжалостна, гонима,
Беспомощна, как смерть сильна.

И конечно, не надо усматривать здесь никакого противопоставления любви всему остальному в нравственном комплексе человечества, нет, это обычный для литературы прием генерализации одного чувства. Вспомните, как в конце романа Алексея Толстого «Сестры» Рощин говорит Кате: «Екатерина Дмитриевна... пройдут года, утихнут войны, отшумят революции, и нетленным останется одно только — кроткое, нежное, любимое сердце ваше...» В данный момент он так чувствует, так безраздельно верит в то, о чем говорит.

В лирико-философском ряду стихотворений Орлова есть и такие, где поэт размышляет о текучести времени, о пределе жизни, то есть обращается к вечным темам лирики, которые в зрелом возрасте волнуют каждого человека. Если говорить об общей тональности стихов Орлова, то можно с уверенностью утверждать, что он — поэт оптимистического мироощущения. И не только в во-

енной, фронтовой лирике. Он умеет искренне, безраздельно радоваться всему сущему в этом мире, принимать в нем и «хмель вина», и «соль медленных раздумий», и «пир за полночь», и далекие дороги, оазисы и Каракумы...

Богатство человеческой природы, а в данном случае богатство души лирического героя стихов Сергея Орлова в том и состоит, что ему доступны радости и горести жизни и он умеет и радоваться и печалиться с достоинством, извлекая из этих состояний драгоценный опыт и художественно осваивая его.

Мало радостного для немолодого уже человека в констатации того факта, что годы жизни его уходят. И он задается вопросом: «Куда уходят годы? Ну куда? Стекают, как в резервуар вода? Уходят, как на переплав руда? Куда уходят годы, ну куда?»

Этот напряженный, полный драматизма лирический монолог скорее всего обращен к себе, он — как размышление наедине. Тревожная интонация к концу сменяется более спокойной, более соответствующей философскому взгляду на текучесть времени, выраженному здесь в отвлеченно-романтической форме.

Традиционен зачин другого стихотворения, близкого по теме: «Я стану облаком, зарей, щепоткою песка и глины, травинкой на ветру игрой, сверкающим каскадом льдинок». Сюжет превращений, связанных с пределом человеческой жизни, традиционен. Дискуссионную новизну в него внес в свое время И. Сельвинский, высказавший в стихах гипотезу насчет того, что человек — через какое-то неопределенное время после своей физической смерти — при абсолютном совпадении биологических слагаемых может повториться. Тогда вокруг этой поэтической гипотезы разгорелся довольно острый спор.

Орлов вносит новизну только в оттенки мысли, в нюансировку лирической темы. Концовка стихотворения может показаться фаталистической («...все той же будет мгла, в которую уходят люди»), если прочесть ее вне контекста всего творчества Орлова. Не о тщете земного существования эти стихи, они о том, что уход человека из жизни не изменит ее природной сущности. Орлов как бы внедряет в сознание философское отношение к смерти как неизбежности, но он не деморализует чувства, не убивает любовь к жизни. Его лирический герой по-прежнему остается человеком активного и даже решительного действия. Он может идти к заветной цели и — если это необходимо для ее достижения — сжигать за собою все мосты. Только страстный, горячо и навсегда влюбленный в жизнь человек может так почувствовать и передать весеннее обновление земли, как Сергей Орлов.

Творится новая планета
У всех бесстрашно на глазах
Из глины, воздуха и света,
В навозной жиже и цветах.
Дождей мгновенных колышанье,
Ветров свистящие столбы,
Громы далеких грохотанье

И придыхание трубы.
Из пепла, глины и вавоза
Встает, рождается, чиста,
Как ландыши и туберозы,
Неслышанная красота.

И все же 60-е годы проходят для Сергея Орлова под знаком раздумий о жизни, раздумий неспешных, песуемых, но начиненных взрывным опытом нелегкой жизни. «Меня раздумья одолели, как будто старость старика...» Источник раздумий — жизнь, ее прошлое и настоящее, ее противоречия, ее пропасти и вершины. Разные эти раздумья:

Одни, одетые в шинели,
Идут ко мне издалека,
Другие, близкие, как тучи,
Как облака, ползут на лоб,
Темны, светлы, тяжки, летучи,
Неся прохладу и потоп.
Хлебаю щи, они клубятся
Над мискою, как синий пар,
И, с ложки капая, дробятся,
Как звезды медные, в навар.
Хожу в раздумьях, как в одеждах,
Мне трудно в них, без них нельзя.

Признание Сергея Орлова выражает характерную тенденцию поэтического развития 60-х годов — стремление глубже проникнуть в интеллектуальную сферу жизни, отражающее общий рост культуры и самосознания народных масс. Нельзя также забывать о том, что в век научно-технической революции происходит дальнейшее сближение искусства с современной наукой.

Научно-техническая революция стала реальностью, которая оказывает прямое или косвенное влияние на все сферы жизни общества. Происходит *ускорение социального развития*, и естественно, что это ускорение сказывается на психологии, на характере и стиле человеческих отношений, на характере мышления. Воздействие научно-технической революции на литературу и искусство сказывается через человека, который был и остается главным предметом художественного внимания, через те конкретные социальные условия, в которых она протекает. В конечном счете отношение художника к научно-техническому прогрессу, его экономическим и социальным результатам есть не что иное, как его отношение к действительности, — и в этом коренном вопросе художественного творчества прогресс науки и техники ничего не меняет в его социальной природе.

Пафос исследования жизни не заглушил голоса сердца, но придал остроту мысли. Эмоциональность в искусстве, и в том числе в поэзии, приобретает новый оттенок, она часто порождается энергией мысли. Состояния, которые так экспрессивно переданы в стихотворении Орлова, как раз и дают импульсы поэтической мысли.

Иногда, правда, кажется, что поэт приходит в тупик от нераз-

решимой сложности вопросов, которые ставит перед ним жизнь («Последние известия»): «Ответь попробуй на вопросы, что происходит на земле». Но в самом ходе размышления, в медитации, а конкретнее — в сопоставлении гремящего и скрежещущего в приемнике мира с туманной поймой, негромко трубящими журавлями, идущей в трубку рожью как раз и содержится зерно искомой истины. Поэт обращает наше внимание на самую суть бытия.

Разнообразен подход Сергея Орлова к философским проблемам времени, но больше все же он тяготеет к конкретности. От нее отталкиваясь, идет поэт к обобщениям. Конкретность, вещьность, материальность его стихов и есть тот принцип, который проверен всеми чувствами, проверен опытом. В этом плане весьма показательно стихотворение «Что знаю я о мире и войне?..». Ответ на этот в первой строке поставленный вопрос может смутить своей неожиданностью: «Да ничего». Правда, к этому «ничего» поэт тут же добавляет: «Как в травах льются росы, как бьет свинец по танковой броне...»

Совершенно очевидно, что он отказывается от каких-либо абстрактных рассуждений о войне и мире, в данном случае — для себя — не признает их правомерности. Да и только ли для себя?

Философ лоб наморщит, как Сократ.
Политик соловьем залется в пенье.
Ты уши раскрывай, он только рад.
Он полон весь глобальных обобщений.

Орлов полемически заостряет свое неприятие общих, «глобальных» истин о войне и мире, потому что он-то знает войну не вообще, а весьма и весьма конкретно, потому и мир, сравнивая с войною, он воспринимает так же конкретно, материально.

Я знаю лишь подробности одни.
Я ими обожжен и зачарован.
Ты их забудь. Но все же сохрани,
Как найденную некогда подкову.

Поэт отвечает собеседнику, который спросил его о мире, о войне. Есть ли у него право отказаться от обобщений? Наверное, есть. Человеку, видевшему смерть товарищей, сметенные с лица земли жилища, горевшему в танке, не хочется делать «глобальные» обобщения, он полон невысказанного в подробностях. Подробности умрут вместе с теми, кто их знает и помнит, а в желающих делать выводы и обобщения недостатка никогда не было. Вот почему Орлов озабочен тем, чтобы остался в народной памяти подробный опыт войны, вот почему он советует своему собеседнику сохранить его, как подкову на счастье.

Когда-нибудь и зазвонит она.
И ты рукой коснешься строчки ржавой.
Есть мир на свете.
Но была война.
И кровью и железом пахнут травы...

В последней строчке запечатлены те подробности, которые доступны только личному опыту и которые содержат в себе определенный эмоциональный импульс к обобщению.

К концу 60-х и началу 70-х годов, обогащенный опытом анализа, опытом лирико-философского постижения мира, Сергей Орлов снова несколько чаще возвращается памятью к 40-м, к фронтовой молодости, возвращается то в «Балладе о парламентарере», где сюжетом послужило убийство советского парламентаря капитана Остапенко, то в воспоминании о блокадном Ленинграде («В здравой дате государства...»), то в стихах о солдатском братстве, о верности и чувстве локти («Красный бархат и алый шелк...», «Костры горели на снегу...»), то еще и еще раз склоняя голову перед памятью павших на войне («Самые отважные солдаты...»).

Верность солдатскому братству. С годами эта тема в лирике фронтового поколения приобрела особый вес. Федор Сухов в «Былине о Неизвестном солдате» написал горькие строчки о своем поколении: «Нас все меньше и меньше, нас почти никого не осталось...» Сознание потерь обостряет чувство товарищества.

Жизнь идет своим чередом, не обделяя бывших фронтовиков ни радостями, ни огорчениями, а прошлое живет в душе солдата, и он верен ему, как присяге, верен солдатскому братству: «Самые отважные солдаты были те, что не пришли домой...» Еще раньше Орлов написал: «Присягают солдаты раз, только раз присягают солдаты».

Присягали солдаты, сверстники Орлова, в юности, когда огненная черта фронта пересекала нашу страну от Баренцева моря до Черного. Верность присяге — это верность родине, ее алому стягу.

Когда над землею раскаты
Салюта на праздник гремят,
О чем вспоминают солдаты,
Которым сейчас пятьдесят?

Они вспоминают Россию
От моря до моря в огне,
Друзей молодых и красивых,
Оставшихся там, на войне.

Одна за плечами держава,
Которой присяга дана,
Одна, словно вечная слава,—
И молодость тоже одна.

Стихи 70-х годов вошли в книгу Сергея Орлова «Верность» (1973), удостоенную Государственной премии РСФСР. В короткой аннотации к книге сказано, что она, «навевшая воспоминаниями о войне, воспевает жизнь, защищенную его (Орлова. — А. М.) поколением, людей, природу родного Вологодского края, утверждает верность солдатским человеческим традициям».

В краткой аннотации больше, пожалуй, и не скажешь ничего, кроме обозначения основных тематических направлений. Так вот,

первый раздел сборника — «Зарницы» — и посвящен воспоминаниям о войне. Это — зарницы памяти, они вспыхивают, освещая веснущатое лицо юной санинструкторки, выносящей с поля боя раненого танкиста, старшину, учившего молодых солдат с марша вкапываться в землю, вокзал на станции Тихвин, где две голодные женщины попросили проезжего фронтовика продать им хлеба...

Как тут не вспомнишь Твардовского: «Жестокая память жива...» Если кому-либо придет в голову идея спросить — а зачем все это вспоминать по прошествии стольких лет, зачем беречь раны? — то ответить можно так: вспоминать самим, участникам и свидетелям событий этих лет, напоминать об этом молодежи надо для того, чтобы не зачерствели наши души, чтобы в любое время они отзывались на чужую боль.

«Воспоминание о тыле» — стихотворение, где Орлов рассказал, как ему выпала редкая удача зимой в сорок третьем побывать в родных краях, оно не имеет никаких прямых выходов в современность, как большинство других стихотворений поэта о войне. В нем просто показан эпизод встречи на вокзале «с правой самой», мгновенно опровергнувшей святую ложь родных, что они в тылу живут «неплохо». Набравши кипятку в кружку и развернувши солдатский паек, герой стихотворения даже не увидел, а «почувствовал», как две женщины, мать и дочь, проснулись и «стыдливо и скорбно» устались на пищу, как на чудо. А ведь они, может быть, и пекли этот хлеб для фронта... Голодный блеск глаз, кусок, ставший поперек горла и просьба: «Продайте нам хлеба, сынок...» — что еще можно добавить к этому? Какие еще слова назидания могут дополнить картину и так полную драматизма!

Так же примерно можно охарактеризовать и стихотворение «Я ее вспоминаю снова...» — о девушке-санинструкторе, которая вытасила раненого солдата с поля боя, постояла возле носилок и ушла «к пехоте без слова». Эпизод, который ни для участников войны, ни для читателей, хотя бы немного знающих литературу о войне, ничего нового не содержит.

И все-таки Орлов пишет об этом. Пишет, наверное, потому, что за этим скрыт личный опыт. Пусть знают об этом бывшие солдаты, они это видели, с ними это бывало; пусть знают из книг читатели — но я видел и пережил это сам, и я не могу об этом не вспомнить пусть в сотый, пусть в тысячный раз!

Может быть, Сергей Орлов и не думал так, когда писал стихотворение о девушке-санинструкторе, но то, что внутреннее оправдание ему заключено в личном опыте, — бесспорно.

Таковы сюжетные, повествовательные стихи, они не содержат в себе обобщений и прямых выходов в современность. Орлов и раньше, на протяжении почти всей творческой жизни время от времени писал такие стихи. Однако опыт поэзии 60-х годов — как общий, так и собственный, личный — научил его из груды впечатлений высекать искры мысли. Необязательно для эффектного афоризма в конце, на них Орлов не мастер, но чаще для много-

значного вывода или открытого для додумывания, но начиненного мыслью финала.

Скажем, воспоминание о старшине, воспоминание о том, как «в ранней юности, в дальней были» учили окапываться и рыть траншеи.

Старшина не давал поблажки,
Над душой стоял -- не ленись,
Без команды не пей из фляжки...

Уроки старшины были не только суровыми по требованиям, но они были подробными и содержали в себе житейскую мудрость:

Крепче в землю вожмись и вройся,
Белый бруствер укрой травой,
А потом ничего не бойся,—
Ты с землей, и она с тобой.

Ну и само собою разумеется, Орлов вспоминает, бегло, правда, как эта наука пригодилась на войне. А потом и в жизни. Ведь она вошла в опыт, она формировала характер!

По годам я давно уж маршал,
А судьбой навсегда солдат.
Трудно в землю врываться с марша,
Но нельзя отходить назад.

Здесь концовка не однозначна, она далеко выходит за пределы военного опыта, она типизирует характер, нормы поведения в критических ситуациях, она суммирует, помимо личного, и иной опыт жизни. Поэтому стихотворение звучит вполне современно.

Интересный, весьма своеобразный ракурс получает у Орлова и горьковатая тема ухода друзей-товарищей. В стихотворении «Мы говорим, задумываясь редко...» поэт вспоминает хорошо известную нравственную меру времен войны — «с кем бы пошел в разведку» — и неожиданно оборачивает ее на себя: мол, время настало уже такое (имея в виду возраст), что надо думать: «кто с тобой пойдет?»

Это стихотворение, пожалуй, даже слишком жестоко по отношению к себе. Вспомнив о том, как просто и естественно, бывало, вставал с автоматом, клал кисет за пазуху и говорил: «Кто со мной, ребята?» — и потом добавлял: «Два шага вперед...», поэт печально и безжалостно размышляет:

Все меньше, меньше остается рядом
Товарищей хороших и друзей
Не потому, что падают снаряды
Давно на территории твоей.

Скорей всего, что ты не тот, который
Когда-то был, и в этом вся беда.
Металл заржавел, порастрачен порох,
И незачем ссылаться на года.

Крутые горки укатали сивку —
Не поговорка, мука — поделом.
Ах, не в разведку, в юность на побывку,
И запастись бы верой и теплом.

Вот тогда, закапчивая стихотворение Орлов, можно было бы, как и прежде, не «с кем я пошел бы?», а просто, без предвзятости: «Кто со мной, ребята? — и помолчать. И два шага вперед...»

Как видите, это довольно суровый, бескомпромиссный нравственный суд над собой, поэт не хочет принимать в расчет возраст, солдат для него должен оставаться в строю до конца жизни. Только горькое сожаление о прошедшей молодости напоминает о том, что прибýtка сил ждать неоткуда....

Впрочем, не совсем так: само воспоминание о молодости может быть одним из стимуляторов энергии, ведь оно как раз говорит о том, как раскрывались неучтенные физические, психологические и нравственные ресурсы в народе и как они превращались в грозную силу на войне.

«Война для нас, — сказал Михаил Дудин, — оказалась главным потрясением: сопротивляясь ей, мы выковали свой характер, свое мировоззрение, мироощущение, свое отношение к жизни». Наверное, что-то заложено в этом характере такое, из-за чего военное поколение не поддается моральной амортизации. Такая хорошая, такая огнеупорная закалка была дана войной, что просто невозможно представить поэтов-фронтовиков постаревшими духовно и нравственно. Прежде всего об этом свидетельствует их творчество, их стихи и книги, полные молодой энергии, активного отношения к жизни, полные гражданского темперамента.

Сергей Орлов около четырех десятилетий писал стихи. Наверное, это все-таки не так мало, но как прекрасна жизнь поэта, если идеалы добра и справедливости, которые он утверждал с оружием в руках, ради которых сжигал себя, воспламеняясь над стихотворной строкой, — если эти идеалы торжествуют!

И как прекрасно, что поэт-воин, поэт-солдат, человек героической биографии, который мог бы, наверное, в зрелом возрасте вести жизнь более спокойную, и не помышлял об отдыхе, его зоркий глаз видел далеко окрест и примечал все важное и существенное, что происходит в мире; его пытливый ум все время был в напряжении. Поэт всеми чувствами ощущал, как —

...брожение происходит в мире.
И на дрожжах его восходит день.
Идет умов гигантская работа,
Великое сражение идей.
Мир озаряют светом капли пота.

...Вспоминается канун 30-летия Победы, лирика поэтов военного поколения. Она вся была — и отклик и в то же время являла собою философское осмысление событий войны и пройденного после нее пути. И вдруг вспыхнула своею обращенностью не

в прошлое, а в будущее, в завтрашний день в стихотворении Сергея Орлова:

Когда это будет, не знаю,
В краю белоногих берез
Победу девятого мая
Отпразднуют люди без слез.

Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выйдет к армии маршал,
Не видевший этой войны.

Поэты военного поколения и прежде вырывались из плена воспоминаний в будущее, и рисовалось оно как жизнь без войны и потрясений. Оно, как правило, не имело конкретного образного воплощения. И вот — маршал, «не видевший этой войны», командующий парадом или, может быть, принимающий парад в День Победы. Образ в высшей степени конкретный, реальный и в то же время обобщающий, сублимировавший в себе всенародную мечту о прочном и долгом мире. Здесь не только счастливо найден образ, но и выявился новый подход к не новой теме, нарушена инерция стереотипных общих представлений. Это — важнее.

Традиция военно-патриотической лирики, утверждавшаяся с необыкновенной страстью и талантом поэтами фронтового поколения, подхватывается поколением их сыновей. Преемственность не нарушается, ибо молодежь тоже демонстрирует силу характера.

Будучи начинающим, но уже обожженным второй мировой войной поэтом, Михаил Луконин в 1943 году мечтал о том, чтобы стихи его выразили силу чувства, равную той, которая заключена в коротких строках солдатского письма, и столь же могучая, совсем не показная воля к победе («Фронтовые стихи»). К этому он и стремился — к предельно сосредоточенному, концентрированному выражению солдатского характера. «В этой большой войне мы научились ломать беду, работать и жить вдвойне» — писал он в стихотворении «Приду к тебе».

Время показало, что и ныне не исчерпана тема воинского подвига народа, что вторая мировая война остается и, по-видимому, надолго останется предметом художнического внимания. Общественный, в том числе писательский, интерес к ней усилил поток мемуаристики, хлынувший на книжный рынок в 60-е годы. В центре внимания историков, пропагандистов, писателей, всей огромной читательской массы в нашей стране и за рубежом оказались мемуары крупных советских военачальников. Этот бесценный документальный материал, живые свидетельства людей, принимавших самое непосредственное участие в выработке стратегии и тактики четырехлетней войны, в проведении крупнейших военных операций, в свою очередь, оказал влияние на литературу, и прежде всего на прозу о войне.

Развитие послевоенного мира ставит перед поэтами такие проблемы, которые кажутся труднее военных именно своею запутан-

ностью, скрытостью сути. Сергей Орлов заостряет эту разницу до пределов уставной схемы.

Здесь нет ячеек пулеметных,
Не рвутся мины на пути,
Но там хоть был устав пехотный,
А здесь не знаешь, как идти...

От молодых людей в наше время можно иногда слышать обращения к старшим слова о том, что-де вам было легче, так как по одну сторону фронта находились вы, по другую — враг и не было ничего неясного и запутанного в отношениях враждующих сторон. Схема, разумеется, слишком упрощенная для характеристики военной ситуации, но надо учитывать, что критические моменты в истории обнажают противоречия ее развития, результатом чего является четкое размежевание сил. Об этом идет речь, в этом суть признания Сергея Орлова.

Опыт его поколения поучителен не особым умением разбираться в сложных социальных противоречиях, а зрелым пониманием долга, беспримерным мужеством, идейной и нравственной стойкостью, патриотизмом, которые прошли испытание жизнью и смертью. Именно этот опыт сообщает огромную значительность поэтическому слову, строке, стихотворению, обращенному к людям.

Темы для внеклассных домашних сочинений и докладов по этой главе должны включать в себя также и творческий опыт других поэтов военного поколения.

1. «Его зарыли в шар земной...» (тема памяти павших за родину в лирике поэтов военного поколения).
2. Традиции военно-патриотической лирики.
3. История и современность, война и мир в творчестве С. Орлова и других поэтов фронтовой плеяды.
4. Книга стихов «Верность» и место поэта-фронтовика в нашей современности.